

Дмитрий Леонов

Несколько жизней сексуальной кошки

Skleněný
můstek
2015

Дмитрий Леонов

НЕСКОЛЬКО ЖИЗНЕЙ
СЕКСУАЛЬНОЙ КОШКИ

Художник-иллюстратор - Лиза Эльманович

SKLENĚNÝ MŮSTEK
KARLOVY VARY 2015

Skleněný můstek s.r.o.

Vítězná 37/58, Karlovy Vary

PSČ 360 09 IČO: 29123062 DIČ: CZ29123062

© Дмитрий Леонов 2015

© Skleněný můstek s.r.o. 2015

Художественное оформление © Лиза Эльманович 2015

ISBN 978-80-87940-98-3

Содержание

Часть первая

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

17

18

19

20

21

Часть вторая

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

14

15

16

Несколько жизней Сексуальной Кошки

Яйца женщину не красят
Е.Леонова

Особая благодарность доктору
Гусевой Галине Юрьевне

Часть первая

1

Рёв мотоцикла разрывал улицы. Утреннее солнце ослепительно отражалось в хромированных деталях. Ольга уверенно обгоняла медленно ползущие джипы-паркетники. Ранний звонок поднял её ни свет – ни заря, но она не расстроилась – всё равно не спала, да и вообще последнее время она старалась бывать дома как можно меньше. Звук мотора всегда действовал на неё тонизирующе – лучше утреннего кофе. Была середина лета. Это время года Ольга любила больше всего – летняя сессия уже закончилась, впереди каникулы. Впрочем, какие ещё каникулы – она окончила институт пять лет назад. Но привычка мерить время сессиями и семестрами осталась. Хотя, наверное, это пошло ещё со школы. Конечно, давно бы пора привыкнуть к тому, что теперь она не сту-

дентка Оля, а доктор Ярцева. Но когда она садилась на мотоцикл, беззаботное студенческое настроение возвращалось. А может, именно поэтому она любила ездить на мотоцикле?

Страсть к езде на мотоцикле появилась у Ольги случайно. В школе ничего не предвещало её будущего увлечения. Ну ходила с одноклассниками в походы, пару раз с знакомыми ребятами постарше ездила в Карелию – сплавлились по тамошним рекам. Мотоцикл в её жизни возник на первом курсе института вместе с парнем по имени Рома. Мотоцикл был весьма старьёй, но Рома выжимал из него последние соки, когда выбирался на загородную трассу. Разумеется, он приглашал с собой Олю. Поначалу езда на мотоцикле казалась ей дурацким занятием – шлем портил причёску, залезать на седло в юбке было неудобно. Но постепенно она втянулась, и даже, к восторгу Ромы, попросила научить её ездить самостоятельно, а не за его спиной. А потом Рому призвали в армию. Своего железного коня он побоялся оставить родителям, которые не приветствовали его увлечения, а доверил его Ольге. Скрашивая одиночество, Ольга периодически выгуливала железного друга, и в какой-то момент поняла, что уже не может жить без ветра в лицо, рёва мотора и запаха бензина. Когда Рома пришёл из армии, выяснилось, что за год разлуки в их жизни многое изменилось. Короче, первая любовь прошла, а страсть к езде на мотоцикле осталась.

Конечно, получилось не сразу. Но тут сработало её врождённое упрямство. Она всегда хотела быть победительницей, или, как минимум, не быть проигравшей. А поскольку на мотоцикле она засветилась, то заднего хода уже не было – только научиться ездить не хуже других. С медицинским институтом была та же история – когда после обязательного посещения морга в начале первого семестра её вывернуло, она восприняла это как вызов и после занятий специально ходила на вскрытия, чтобы привыкнуть. Своего она добилась довольно быстро. Как-то зимой, когда она ещё была на первом курсе, старшекурсники устроили свою традиционную шутку над первокурсницей – заперли Ольгу в морге. Парни стояли под дверью, ожидая обычного в этих случаях девичьего визга, но за дверью была тишина – буквально гробовая. В обморок хлопнулась – решили парни, и, приготовив нашатырь, открыли дверь. Ольга сидела среди столов с покойниками и уплетала бутерброд. Тут уж стошнило одного из шутников, на что Ольга злорадно отреагировала едкой шуткой. Только один раз она пожалела о своём упрямстве – когда прыгала с парашютом. Собственно, на это приключение она набилась сама – поспорила с однокурсником. Он воспринял её слова буквально, и в ближайшие выходные отвёз её на загородный аэродром. Причём не только заранее договорился о прыжке, но и захватил с собой несколько девчонок из группы. То есть, гад такой, хотел при свидетелях насладиться её позором.

И, надо сказать, был близок к этому. Инструктаж Ольга слушала в тихом ужасе, а в «кукурузник» залезла вообще в полуобморочном состоянии. Вся их кампания осталась на земле – типа встречать героиню. Когда самолёт оторвался от земли, она пожалела, что ввязалась в эту затею, но отступить было поздно. К тому же, как назло, самолёт был набит парнями, у которых это был первый прыжок, и инструктор, подбадривая их, ставил её в пример. То есть струсить было никак нельзя. Когда открылась дверь и инструктор скомандовал: «Пошли!», у неё была только одна мысль – не испачкать комбинезон. Но всё обошлось. Спорщик встречал её на земле влюблённо-восторженным взглядом, а у девок из группы она до конца учёбы заработала репутацию отможенной на всю голову особы.

Когда предстояла езда на мотоцикле, Ольга всегда одевала джинсы и кожаную куртку, даже летом. Однажды она решила выпендриться и поехала по городу в шортиках, в результате прислонилась голрой ногой к горячему глушителю и получила приличный ожог. С тех пор при выборе между понтами и безопасностью выбирала безопасность. И всегда ездила в шлеме – на работе досыта нагляделась на последствия езды без шлема. Из-за этого пришлось отказаться от серёжек и длинных волос – с ними шлем не оденешь и не снимешь. Из традиционных украшений у неё осталось только обручальное кольцо. Единственное послабление – на работу ездила в

кроссовках, а не в мотоботах, и без защиты. Городские улицы – не трасса, сильно не разгонишься. Хотя много ли человеку надо, чтобы покалечиться или погибнуть – работа Ольги располагала к мыслям о бренности человеческого бытия.

2

Время утренних пробок ещё не наступило, и до больницы она добралась быстро. Охранник на КПП, издав издав услышав приближающийся мотоцикл, уже поднимал шлагбаум. «Эк я его выдрессировала!» – с удовлетворением подумала Ольга. Собственно, вся дрессировка заключалась в одном утреннем разговоре на повышенных тонах. Тогда Ольга торопилась, а только что принятый на работу охранник проявлял похвальную бдительность и никак не мог поверить, что какой-то наглый мотоциклист, рвущийся на территорию больницы, на самом деле работает здесь врачом. Поняв, что доказывать что-либо бесполезно, Ольга заставила его позвонить главному врачу и узнать, на чём ездит доктор Ярцева. Пока охранник неторопливо брёл к своей будке, Ольга вспоминала всё новые и новые обороты великого и могучего, и вдохновенно выкрикивала их ему в спину. Видимо, главный обогатил познания охранника в русском матерном, потому что от будки к шлагбауму несчастный парень двигался уже бегом. С тех пор Ольга, увидев его лицо за стеклом КПП, каждый раз вспоминала

тот случай, и невольно улыбалась. Похоже, охранник принимал эту улыбку на свой счёт.

Сбросив газ, Ольга проехала по территории больницы и запарковалась на своём месте у дверей корпуса. Охрана уже открыла двери. У лифта стояли тележки с бельём, Ольга не стала ждать и пошла по лестнице. В отделении было тихо, только у поста стояла пожилая женщина в вязаной кофте. Ольга сняла шлем и попыталась поправить свои короткие рыжие волосы. Женщина в вязаной кофте как будто специально её дожидалась и сразу же стала ей выговаривать:

– Девушка, а вы почему без бахил? Тут убираются, надо в бахилах ходить! И вообще – мы первые.

Ольга, не обращая на неё внимания, направилась к посту. Въедливая женщина в кофте, немного опешив, продолжила менее решительно:

– Девушка...

Надо было как-то реагировать. Ольга резко повернулась и строго посмотрела на неё своими серыми глазами:

– Я вам не девушка, а доктор Ярцева.

Женщина в кофте испуганно примолкла. «Не надо было так коротко стричься» – подумала Ольга. Конечно, с короткими волосами в шлеме было удобнее, но вновь поступившие больные по внешнему виду не признавали в ней врача и встречали вопросом: «Девушка, а доктор скоро будет?» Ольга вопросительно посмотрела на медсестру. Сегодня

дежурила Алла – невысокая медсестра со светлыми кудрявыми волосами. Алла поднялась из-за стола:

– Ольга Николаевна, это я звонила. Вот, больную привезли.

Ольга положила шлем на барьер поста и подошла к каталке:

– По скорой? Кто сегодня в приёмнике дежурит?

Алла протянула ей бумаги. Глянув на них, Ольга расстегнула свою кожаную куртку, достала из-за пазухи блестящий молоточек и стала проверять рефлекс у лежащей на каталке женщины. Та уже не стонала, а только недоверчиво смотрела на кожаную куртку Ольги, точнее, под куртку. Не обратив на пристальный взгляд пациентки внимания, Ольга закончила проверять рефлекс и повернулась к женщине в вязаной кофте:

– Вы с ней? Дачницы?

Женщина смущённо отвела взгляд от её распахнутой куртки и кивнула головой. Ольга продолжала строго глядеть на неё:

– Женщина! Ну нельзя же так упахиваться на даче! Да ещё в вашем возрасте! Всё в порядке с вашей подружкой, отдохнёт у нас пару деньков и снова к вам на дачу.

Ольга повернулась к Алле:

– У нас места в женских палатах есть? Сегодня кто-то выписывается?

– В четвёртой место освободилось. Свиридова.
– коротко ответила Алла.

– Когда? – помрачнела Ольга.

– Четыре тридцать – сказала Алла. – Танечку жалко. Она со Свиридовой столько возилась, переживала...

– Да, всего 25 лет... – задумчиво сказала Ольга.

Танечка только окончила медицинский институт и проходила в отделении интернатуру. Русая коса и принципиальное неприятие брюк делали её похожей на тургеневских барышень. Этому также способствовала девичья наивность, немного странная для выпускницы медицинского института. Во всём этом было что-то необъяснимо трогательное.

Свиридова поступила три недели назад с повреждением шейных позвонков – неудачно прыгнула в воду. Прогноз был однозначный, вопрос только – когда. Но Танечка с энтузиазмом свежеиспечённого доктора взялась сделать невозможное. И что самое удивительное – у неё стало получаться. Свиридова пришла в сознание, стала узнавать Танечку, насколько это было возможно в её состоянии – фактически у неё двигались только глаза, речи не было. И вот наступила развязка. Ольга тряхнула головой, как бы приходя в себя:

– Вы там с Танечкой поосторожнее, если чего – меня зовите. У моих чего?

– Антипов из шестой напился с вечера и колесил полночи.

– Этот, нарушенный? – серые глаза Ольги сузились от ярости. – Вот гавнюк! Двух дней не прошло,

как очухался, и уже на приключения потянуло! Готовь его к выписке!

Она решительно повернулась в сторону шестой палаты. Алла торопливо позвала:

– Ольга Николаевна!

– Что ещё?

Алла провела рукой по пуговицам своего халата. Ольга недоумённо посмотрела на неё, потом опустила глаза на свою грудь, охнула и торопливо запахнула куртку – под курткой у неё был только кружевной бюстгальтер, которым она и светила перед пациентками последние десять минут. «Надо же – второпях забыла одеться» – про себя подумала Ольга. Она вспомнила институтское время. Однажды ранней весной они с девчонками праздновали в общежитии, кажется, 8 Марта. Праздник удался – на следующее утро еле встали. Когда уже приехали в институт и стали снимать пальто в гардеробе, выяснилось, что одна девка забыла одеть юбку. Пришлось ей возвращаться в общагу. Потом ещё долго ржали над этим случаем. Улыбаясь институтским воспоминаниям, Ольга подхватила свой шлем со стойки поста и пошла в ординаторскую: «Ничего, надену халат – никто ничего и не заметит. Переобуться ещё надо не забыть – на каблуках выгляжу солиднее». Халат у неё был особый – не обычный х/б, который желтеет через несколько стирок, и который замучаешься гладить. Свой халат Ольга купила в Париже, в магазине для взрослых, но выяснилось, что его можно

использовать и по прямому назначению – мало того, что скроен по-человечески, так ещё и ткань хорошая, не желтеет и не мнётся. Ольга надела халат, сменила кроссовки на туфли, достала косметичку и подошла к зеркалу. Молодого доктора Константина Ивановича, пришедшего на работу в отделение всего два месяца назад, ещё не было.

3

Дверь распахнулась, и в ординаторскую вбежала Танечка – каблучки звонко стучали по полу, русая коса хлопала по спине, кулачками размазывала слёзы по щекам.

– Ольга Николаевна, она... она...

Ольга бросила косметичку на стол и обняла Танечку:

– Я знаю.

– Ну почему, почему?! – похоже, в коридоре Танечка сдерживалась изо всех сил, а сейчас дала волю слезам. – Ведь я всё делала правильно!

– Да, правильно – Ольга обнимала Танечку, которая от рыданий сотрясалась всем телом. Дитё ведь совсем. Неужели и она такая же была?– Ты сделала всё, что могла. Даже больше.

– Правда? – Танечка подняла на неё заплаканное лицо.

– Конечно! Ты молодец. Садись вот сюда. – Ольга усадила девушку в кресло, достала из своего стола

бутылку с водой и блистер с таблетками. Она выковыряла таблетку из упаковки, подумала, достала вторую таблетку и протянула Танечке:

– На, выпей. Тебе ещё работать сегодня.

Продолжая всхлипывать, Танечка выпила таблетки. Ольга порылась у себя в ящике, достала пакетик с салфетками и протянула Танечке. В дверь ординаторской постучали:

– Можно?

В дверях стояламоложавая женщина с отсутствующим выражением лица, в одной руке она держала кожаную сумочку, другой прижимала к груди розовые тапочки. Ольга сразу узнала эти тапочки – они стояли под кроватью у Свиридовой, хотя было ясно, что они уже вряд ли ей понадобятся.

– Да, конечно – кивнула женщине Ольга и повернулась к Танечке: – Ну иди работай. И сопли подбери!

Продолжая тихонько всхлипывать, Танечка проскользнула в дверь мимо женщины. Та посмотрела ей вслед:

– У неё тоже кто-то умер?

– Да – коротко ответила Ольга, достала из стола бланк и придвинула историю болезни Свиридовой. – Посидите немного, я сейчас подготовлю документы.

Пока она писала, женщина молча сидела на стуле рядом. В таких ситуациях Ольга старалась вести себя как можно более официально – ей казалось, что если показать сочувствие, то родственники оконча-

тельно расклеятся, а им ещё много беготни предстоит. Она закончила заполнять бланк:

– Сейчас надо будет ещё печать поставить. Потом по этому в ЗАГСе получите справку о смерти. Пойдёмте.

Они вышли в коридор и подошли к сестринскому посту. Алла уже собиралась сдавать дежурство Люде.

– Алла, пойди печать поставь. И объясни, чего дальше делать – Ольга протянула ей бумаги и повернулась к Свиридовой-старшей: – Идите с Аллой, она вам всё скажет.

Алла и Свиридова-старшая ушли. Ольга оглянулась – Танечка сидела на диванчике за сестринским постом и молча смотрела в окно. Так, хорошо – таблетки подействовали. Перехватив её взгляд, Люда кивнула в сторону Танечки:

– Переживает.

– У меня когда первый больной умер, я редела на всё отделение – отозвалась Ольга.

– Ну сейчас-то привыкли? – спросила Люда.

– К этому нельзя привыкнуть – покачала головой Ольга. И, заметив, что Танечка прислушивается к их разговору, продолжила: – Смерть требует уважения. Смерть – это таинство, как и рождение...

В отделении раздались уверенные хозяйские шаги, и перед сестринским постом остановился заведующий отделением, или, как все его называли за глаза – шеф.

– Доброе утро! – шеф поздоровался и уставился на Танечку. – Что случилось?

– Свиридова ночью умерла – ответила Ольга.

– Ага, вон оно как! Понятно – пробормотал шеф и громко сказал, обращаясь к Танечке: – Ну, с почином тебя, детка!

Шеф пошёл к себе в кабинет, а Ольга озадаченно посмотрела ему вслед. Когда хлопнула дверь его кабинета, она сказала Танечке:

– Поздравляю, шеф тебя признал.

– Детка – это значит признал? – хихикнула Люда.

– А ты помнишь, как шеф меня называл, когда я только в отделение пришла? – повернулась к ней Ольга. – Лялька! Лялька, сходи туда! Лялька, сделай то! Лялька, ты все лекции прогуливала, или через одну? И так почти год. А тут почти сразу – детка!

Она вспомнила, как шеф строил её, когда она пришла после института. Теперь-то она понимала, что он просто выбивал из неё остатки студенческой дури и безалаберности. Но тогда было обидно до слёз. И она отыгрывалась на медсёстрах, требуя от них строгого обращения на «вы» и по имени-отчеству. Конечно, со временем она поняла, что авторитет

зарабатывается другими вещами, но тогда скандалы возникали частенько. Шефу приходилось вызывать её к себе в кабинет и наедине вправлять ей мозги. К счастью, ему это удалось, и уже через год она больше переживала из-за чисто профессиональных проблем, чем от недостаточно уважительного, как ей казалось, отношения медсестёр.

– А вы знаете, как шеф Константина Ивановича называет? – заулыбалась Люда.

– Как? – спросила Танечка. «Так, процесс пошёл. Отвлекается помаленьку» – обрадовалась Ольга.

– Пупс – громким шёпотом ответила Люда.

– Костик – одним словом – добавила Ольга. Она чувствовала себя старожилом отделения, практически второй после шефа.

Все засмеялись. Но Ольга обрадовалась преждевременно.

– Ну почему так несправедливо? – продолжала Танечка. – Ведь она такая молодая... Была. А другие вон хоть бы что! Ведь это несправедливо!

– Кстати о справедливости! – Ольга резко поднялась. – Люда, найди-ка мне историю Антипова!

Шестая палата была сразу напротив сестринского поста. Ольга коротко стукнула костяшками пальцев по деревянному косяку и, не дожидаясь ответа, распахнула дверь в палату:

– Доброе утро! Антипов где?

– Здравствуйте – мужики в палате натянули пододеяльники до подбородков. Ольга не раз замечала

это: если мужики начинают реагировать на женщин – говорить комплименты, заигрывать, стесняться, да просто пытаться прикрыться одеялом, когда кто-то из женщин заходит в палату, то значит всё – пошли на поправку. Все обитатели палаты зашевелились, увидев её, только Антипов продолжал громко храпеть. Ольга решительно сдёрнула с него одеяло:

– Антипов! Просыпайтесь!

Антипов, который спал прямо в одежде, неловко завозился:

– Доктор, плохо мне. Мне бы от головы чего. Голова раскалывается.

– Вы пили вчера? – наседала на него Ольга.

– Нет, с чего вы взяли... – забормотал Антипов, и, поняв, что отпираться бесполезно, неохотно признался: – Ну чуть-чуть совсем.

– Собирайте вещи – и на выписку! – Ольга бросила Антипову одеяло. – Документы на посту возьмите. И побыстрее! Чтобы к обходу вас здесь не было!

– Да чего такого-то! Ну выпили чуть-чуть – с кем не бывает! Чего так сразу – на выписку? – попытался возмутиться Антипов.

– Чего такого?! – Ольга резко обернулась в дверях палаты и выдала такую тираду, что пожилой сосед Антипова восхищённо присвистнул, а у Люды, наблюдавшей за этим с поста, порозовело лицо.

– Подготовь ему документы – бросила Люде